

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

У ЗАПОВЕДНЫХ ДВЕРЕЙ...

Этика, театральная этика, которой столько внимания отдавал К. С. Станиславский... Этому посвящен отрывок из воспоминаний одного из ветеранов МХАТа, народного артиста РСФСР Бориса Яковлевича Петкера, который мы публикуем сегодня.

В УЗКОМ коридоре кулис Московского Художественного театра — артистическая уборная Константина Сергеевича. Над дверью маленькая скромная табличка: «К. С. Станиславский». Вот это «и» свидетельствует о ее давности...

Я приглашаю вас всех сюда; и тех, кто ежедневно проходит мимо заповедных дверей, и тех, кто здесь никогда не был.

Когдаходишь в эту комнату, вас не может не охватить трепет. Выприобщаетесь к чему-то неизведанному. Так бывает со всяким, кто молча взирает на контурку Гоголя, или на низенький столик и стульчик, на котором сидел гигант в Ясной Поляне, создавая «Анну Каренину». И пока вы еще не перешли порога комнаты, на секунду остановитесь: каждый предмет, находящийся здесь, будоражит фантазию. Вещи оживают, потому что они связаны с вечно живым Константином Сергеевичем.

Итак, остановитесь в дверях и оглядите артистические покои Великого Артиста. Драпировкой эта комната могла бы быть разделена на две части. Справа от входа гримировальный стол, стол особый, большой, цвета слоновой кости, с тремя зеркалами, к боковым створкам которых приделаны еще и простые стекла. Очевидно, это дает возможность просматривать лицо во всех ракурсах. Я никогда не видел такого. На столе «стоюшка» для париков. Рядом шкаф, где хранятся театральные костюмы. По стенам развешены портреты спутников его творческой жизни. Да, это Константин Сергеевич привил им любовь к театру, вырастил их — хранителей традиций Художественного театра. Это Станиславский создал тип театральных закулисных деятелей, не приходящих к артисту, а друзей его, вернейших, серьезнейших, ответственных спутников, преданных делу театра. И поэтому их имена: чета Гремиславских, Титов, Фалеев, Тщедушнов, Валдаев, а позднее Трунов — должны сохраниться в памяти. Это имена учителей и наставников мхатовских гримеров, портных и рабочих сцены. Они приходили в стены

театра по зову сердца и до конца своей жизни были верны его искусству.

Свидетелем скольких радостей и огорчений был, этот стоящий у входа, угловой диван. Еще в коридоре возле двери, ведущей на сцену, раздавалось «грозное» приглашение «Каэса», как называли Константина Сергеевича в театре: «Пожалуйте сюда». И начиналась наставническая отеческая беседа. И актер, или помощник режиссера, сидя на диванчике, выслушивал все, что внушал ему Константин Сергеевич.

Я об этом пишу, потому что осуждение дурного, наставления и похвала — это часть жизни этой комнаты. Здесь не рождались мысли об «эзекции» над провинившимся. Здесь Константин Сергеевич звал к артистической совети, и артист вырастал духовно, становился лучше, чище...

Константин Сергеевич чтил артиста, влюбленного в свое дело, в труд, ценил тех, кто отзывался честным сердцем на его призывы. Вглядитесь в фотографии Константина Сергеевича. Какой улыбкой озаряется его лицо, когда ему нравится кто-нибудь, как по-детски непосредственно хохочет он над смешным.

Случаи смешные, неожиданные, ценились им, воспринимались, как открытие. Искристый юмор Фигаро в исполнении Баталова, а затем Прудкина рожден Станиславским. Истекающая жирным соком, разноцветная природа «Горячего сердца», доведенная до крайнего гротеска Москвиным, Тархановым, Грибовым, Яншиным, рождена художественным чутьем великого Станиславского. Смеха опасаются те, кто боится «повиснуть на собственном удельном весе», — говорил Герцен. А Константин Сергеевич любил и смех, и шутки, но только если они были по «серьезному поводу».

Есть часы, когда после репетиции кулисы театра погружаются в какую-то торжественную, успокоенную тишину. Мхатовские кулисы в эти часы по-особенному романтичны. Здесь нет ничего лишнего: ни позолоченных кресел, ни пышных портретов, здесь тихо и безлюдно. В артистических уборных, маленьких и чистых, уже развешены костюмы к вечернему спектаклю. На вешалках костюмы, подготовленные к спектаклю заботливыми руками портных, ждут «своего часа», чтобы вечером встряхнуться, встрепенуться. Гримеры в халатах уже закончили подготовку париков и накладок. Дежурка освещает тусклым светом декорации на сцене. На за-

навесе притихла «Чайка», задремали люстры, двери, вещи... Все замерло, как перед боем.

Я не знаю почему, но во МХАТе никогда нельзя услышать громкого говора, окриков, шума. И в эти часы это чувство особенно сильно.

Отойдите в сторону и не нарушайте замечательного покоя этих вечерних часов. Константин Сергеевич спит... Была репетиция, а вечером спектакль. Обычно в такие дни он не уходил из театра. К обязанностям артиста он относился бережливой. Тишину коридора никто не охраняет. В этом нет нужды. Разве только Иван Никифорович Максимов, этот блюститель «пароходной чистоты», проходя мимо дверей, невинно произнесет несколько сочетаний букв, которые должны обозначать слово, восстанавливающее тишину, или шепотом обмолвится короткой фразой с отдыхающим, сидящим в маленьком углублении на скамеечке Иваном Куприяновичем.

Иван Куприянович... Он романтик, но у него еще и деловая ответственность, и педантичная аккуратность, глубокое уважение к труду.

Но вот наступает время.

Из маленького оконца выходящего в коридор, раздается столь привычное «гм-гм» Константина Сергеевича, сначала тихо, потом громче, и затем уже совсем громко: «Иван»...

С этого момента все подчинено «туалету» артиста, о котором так много говорит Константин Сергеевич в своих теоретических трудах...

Все готово у «Куприяныча». Мелкие, нужные к спектаклю вещи разложены по местам, по карманам костюма. Нет нужды проверять Ивана Куприяновича. Но нет... Константин Сергеевич сам внимательно проводит рукой по костюму. Всмотритесь внимательно, и вы увидите, как глаза Константина Сергеевича начинают жить по-другому, сердце его начинает биться по-другому, оно отстучивает другой ритм. Безудержно возбудимая фантазия художника начинает разгораться. Где-то близко уже образ, который будет сегодня претворен на сцене. Изредка в тишине раздается рокочущий басок Ивана Куприяновича: «шнурки перетянул» или «колечко расширено». Он знает, что сейчас нельзя отвлекать Константина Сергеевича. Он это чувствует душой художника. Константин Сергеевич еще не начал одеваться. Он думает, и кто знает, чем сейчас одержим он: может быть, восстанавливается в памяти «что я делаю», или еще раз уточняется

«сквозное действие» или... Но вот еще раз раздается «гм-гм», и Иван Куприянович, как бы возвращая его к реальной действительности, заявляет: «Ну, довольно тебе, пора ладить». «А! Да, да. Пора».

Неслышными шагами в комнату входит Яков Иванович Гремиславский. Да, это тот самый Яша, гример, с которым Константин Сергеевич встретился, чтобы «никогда не расставаться», и которому «суждено было сыграть большую роль в театре и поставить свое искусство на ту высоту, которая заставила удивляться его работе Европу и Америку». И это, действительно, так. Я никогда не слышал полнозвонного голоса Якова Ивановича, он почему-то всегда говорил шепотом. И, наверное, в этом была дань уважения к творчеству артиста.

Нет уже много лет ни Якова Ивановича, основателя мхатовской школы гримеров-художников, нет тончайшего артиста своего дела Михаила Григорьевича Фалева, его ученика, но их творчество навсегда связано с именем Станиславского.

...Константин Сергеевич одет и загримирован. «Ну, все», — говорит Иван Куприянович. «Спасибо», — коротко бросает Константин Сергеевич. Собственно говоря, это произносит уже не Станиславский, а человек, которого ему предстоит сегодня играть на сцене.

Константин Сергеевич на сцене! Здесь я позволю себе почтительно отступить. Тема «Станиславский актер и режиссер» изучается историками и теоретиками театра. Его творчество долго будет служить компасом, определяющим развитие театрального искусства, и надо благодарить всех, кто развивает основы его учения, кто понял их.

А на языке сцены понять — это значит уметь, и надо отстранить всех, кто превращает его учение о театре в догму.

...Вот Константин Сергеевич возвращается к себе. Иногда он мрачнее тучи, и тогда — не дай бог! Нет, это не злость, не ненависть, это пылкий, неистовый, всепоглощающий критический анализ. Часто Константин Сергеевич, возвращаясь к себе, говорил: «Вам кажется, что вы играли как Сальвини, а на самом деле это было очень плохо». Константин Сергеевич всегда задавал себе и актерам один и тот же вопрос: «Что вам (или мне) удалось и что не удалось?». Это самое важное в творческой жизни актера — артистическая честность, выращиваемая в самом себе.

Я утомил вас? Но, говоря о Константине Сергеевиче, хочется говорить еще больше. Хочется знать его еще больше. И не надо закрывать двери этой мемориальной комнаты.

Б. ПЕТКЕР,
народный артист РСФСР.

16 ЯНВ 1983

„СОВЕТСКАЯ ЛИТВА“

г. Вильнюс